

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич

**Критические заметки по истории
народного хозяйства в Великом
Новгороде и его области за X-XV
вв**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич Л.**
Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области
за X-XV вв / Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
57 с.

ISBN 978-5-519-92479-5

ISBN 978-5-519-92479-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

II.

Основная точка зрѣнія и система изложенія „Исторіи экономического быта Великаго Новгорода“.

Тема, избранная Никитскимъ, какъ видно, удовлетворяетъ современнымъ запросамъ науки. Къ сожалѣнію, отсутствіе руководящаго предисловія лишаетъ насъ возможности ознакомиться съ взглядами самого автора на этотъ предметъ; въ его сочиненіи, однако, во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть, на ряду съ широкою разработкою многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, существенныхъ пробѣловъ.

Подъ „Исторіей экономического быта Великаго Новгорода“, конечно, всего проще было бы разумѣть исторію народнаго хозяйства, въ предѣлахъ означенной области. Авторъ однако, не обратилъ вниманія на многія явленія экономического свойства, находящіяся въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ избранною имъ темой.

Количествомъ населенія, на примѣръ, и его отношеніемъ къ площади занимаемой имъ территоріи, въ нѣкоторой степени предрѣшается характеръ всего экономического строя, особенно, если свойства ея почвы достаточно хорошо извѣстны. Къ сожалѣнію точныя свѣдѣнія о населенности самого Великаго Новгорода относятся къ позднѣйшему времени ¹⁾; болѣе раннему періоду принадлежатъ описанія Корелы, Орѣшка, Копорья, Яма, Ладоги и Ивангорода въ окладныхъ книгахъ 1495—1500 гг. ²⁾, а также рядковъ и другихъ поселеній Новгородской области въ оброчныхъ книгахъ того же времени, источникъ, которымъ самъ г. Никитскій охотно пользовался для ха-

¹⁾ А. Э., т. I, № 205. Счетъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ и пригородахъ Новгородскихъ 1545 г. (рук. XVI в.) хранится въ рукописномъ отдѣленіи, при библіотекѣ Академіи Наукъ. (Я. Березниковъ, О нѣкоторыхъ важныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1835 г., ч. VII, стр. 118). Ср. статьи И. Купріянова о населенности Новгорода въ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, 1840 г., №№ 1—3 и въ *Вѣстникъ Географическаго Общества*, 1852 г., т. V, стр. 31—36.

²⁾ *Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, тт. XI, 111—115 и XII, 1—7.

рактеристики хозяйственного быта Новгорода въ XIII вѣкѣ¹⁾. На основаніи всего этого матеріала возможно было бы прійти къ кое-какимъ заключеніямъ о населенности изучаемаго района если не въ древнѣйшее, то по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, къ концу XV вѣка.

Писцовыя книги не даютъ намъ указаній на всю площадь, занимаемую перечисленными въ нихъ поселеніями, а только на приписанную къ нимъ обработанную землю; но перенося населенные пункты на карту, не трудно вычислить и занимаемую ими площадь; судя по даннымъ XVI—XVII вѣковъ, она должна была приблизительно простираться на 282.127 квадратныхъ верстъ²⁾. Педологическія свойства этой территоріи хотя и обращаютъ на себя вниманіе А. И. Никитскаго, но разсматриваются имъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, несмотря на то, что современныя ему изслѣдованія почвъ даютъ уже возможность нѣсколько точнѣе выяснить и этотъ вопросъ.

Вычисленіе средней населенности данной площади во всемъ ея объемѣ можетъ оказаться, пожалуй, дѣломъ рискованнымъ; тѣмъ не менѣе отъ такого осторожнаго изслѣдователя, какимъ является Никитскій, слѣдовало бы ожидать рѣшенія этого вопроса примѣнительно къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, болѣе или менѣе удачно подобраннымъ, въ зависимости отъ ихъ свойствъ и имѣющихся на лицо указаній. Этой задачи Никитскій также не ставитъ и не рѣшаетъ въ своемъ трудѣ.

Статистика населенія дала бы автору матеріалъ и для другихъ заключеній, не менѣе важныхъ. Хозяйственный типъ страны ярко характеризуется, напримѣръ, большей или меньшей степенью централизаціи населенія, разбросанности его по селамъ или скученности въ городахъ. Новгородъ казался „изумительно большимъ городомъ“ одному изъ иностранцевъ-путешественниковъ, посѣтившихъ его въ началѣ XV вѣка (1413 г.). Это извѣстіе, однако, едва ли заслуживаетъ полного довѣрія; его слишкомъ мало оправдываютъ другія данныя³⁾.

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, изданныя Археографическою Комиссіею, т. I—IV (1495, 1498, 1500 и др. годовъ). С.-Пб. 1859—1886.

²⁾ К. Невоминъ, Пятины и Погосты Новгородскіе въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества, т. VIII, стр. 55 и 57.

³⁾ G. de Lannoy, Oeuvres, pub. par Ch. Potvin, Louvain. 1878, p. 32: „Est la ville de la grant Noegarde merveilleusement grant ville...“; черезъ нѣсколько строкъ однако, авторъ и рѣку Волховъ называетъ „une très grosse rivière“. Въ 1545 г. въ Новгородѣ можно было, повидимому, насчитать не болѣе 5000 дворовъ (А. Э. т. I, № 205).

Рядки, посады и города (въ современномъ смыслѣ) Новгородской области отличались незначительными размѣрами своего населенія; въ самомъ людномъ изъ Новгородскихъ пригородовъ, напримѣръ, въ Корелѣ, къ концу XV вѣка можно было насчитать тѣхъ людей всего лишь 223 человекъ въ 177 дворахъ ¹⁾. И тѣмъ не менѣе эти пункты сравнительно съ маленькими поселками въ 2—3 двора, преобладавшими въ Новгородской области, въ то время могли имѣть значеніе крупно-населенныхъ городскихъ центровъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что централизація сказывалась не только въ количествѣ населенія, но и въ родѣ его занятій ²⁾.

Съ статистикой населенія, разумѣется, тѣсно связана и статистика переселеній; цифровыя данныя по этому вопросу еще болѣе гадательны, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но самый процессъ переселенія возможно было бы изучать въ связи съ колонизаціей. Какъ поднимались переселенцы со старинныхъ мѣстъ и садились на новыя, шла ли колонизація хуторами или болѣе крупными поселками, представляли ли они родственные или общинные союзы, все это—явленія, которыя можно наблюдать по писцовымъ книгамъ и которыя поддаются обработкѣ (см. ниже). Въ сочиненіи Никитскаго означенные вопросы затронуты лишь вскользь, мимоходомъ, въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, безъ попытки дать имъ болѣе точную постановку и возможное рѣшеніе.

Еще сильнѣе чувствуется недостатокъ въ трудѣ Никитскаго какихъ бы то ни было изслѣдованій въ области исторіи цѣнъ. Матеріалъ по этому вопросу, хотя и скудный, все же существуетъ. Въ Новгородскихъ и Псковскихъ лѣтописяхъ можно встрѣтить указанія на максимальныя цѣны пшеницы, ржи, овса, пшена, хмѣля, рѣпы, меду, сухарей, соли и т. п. въ XII—XV вѣкахъ; крѣпостные акты XIV—XV вѣковъ содержатъ свѣдѣнія о цѣнѣ холоповъ, земельныхъ участковъ и цѣлыхъ хозяйствъ ³⁾. Между тѣмъ, подобнаго рода матеріалы позволили бы Никитскому приблизиться къ рѣшенію вопроса о доходности земельныхъ участковъ, промышленнаго труда и торговыхъ оборотовъ съ одной стороны, и о рыночной стоимости

¹⁾ Н. Чечулинъ, Города Московскаго государства, стр. 35.

²⁾ А. Иаминскій, Городское населеніе Новгородской области въ *Журналъ Министертва Народнаго Просвѣщенія*. 1876, июнь, стр. 258—259.

³⁾ Въ договорахъ Новгородцевъ съ Нѣмцами стоимость нѣкоторыхъ товаровъ также иногда переводится на деньги; см., напримѣръ, проектъ 1269 г. *G. Sartorius und I. Lappenberg*, *Urkund. Gesch. der deutschen Hanse*, II, 1830, s. 98.

новгородскаго рубля съ другой. Упуская исторію цѣнъ, авторъ „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“, по неволѣ долженъ былъ оставить въ сторонѣ изученіе явленій, безъ которыхъ надлежащаго понятія объ экономическомъ бытѣ страны мы не получимъ.

Такимъ образомъ, сочиненіе Никитскаго едва ли можно назвать исторіей народнаго хозяйства въ предѣлахъ Новгородской области. Оно посвящено главнымъ образомъ описанію промышленности и торговли Великаго Новгорода до XV вѣка. Разъясняя нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ о производствѣ и обращеніи богатствъ, авторъ, при этомъ, почти не касается ихъ распредѣленія и потребления.

Не выдерживая исходной точки зрѣнія, указанной выше, Никитскій нерѣдко выступаетъ и за ея предѣлы. Переходя, напримѣръ, изъ области вопросовъ чисто экономическаго свойства къ вопросу объ организаціи хозяйственной дѣятельности, авторъ много мѣста удѣляетъ характеристикѣ русскихъ и нѣмецкихъ купеческихъ общинъ, постоянно касается не только фактическихъ, но и правовыхъ отношеній членовъ ихъ другъ къ другу; тѣмъ не менѣе, сущность этихъ послѣднихъ остается совершенно не разъясненною. Связывать производство съ организаціей труда, конечно, необходимо, но въ такомъ случаѣ желательно было бы выяснить ея фактическіе и правовые элементы, ибо характеромъ ихъ взаимоотношенія опредѣляется и степень развитія самой организаціи. Представляются ли участники даннаго союза родственниками, сонаслѣдниками, контрагентами договора найма или товарищами, словомъ, къ чему сводится юридическое отношеніе между ними, ихъ *vera societas*—все это вопросы, которые подлежатъ рѣшенію, должны быть поставлены и могутъ быть отчасти разъяснены, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о западно-европейскихъ „*Gesellschaft*“ или „*sinnraße*“.

Еще далѣе отъ основной темы лежатъ, конечно, вопросы экономическаго законодательства и экономической политики. Никитскій касается ихъ вскользь, не выдѣляя въ особую группу. Между тѣмъ, такіе памятники, какъ уставъ „о городскихъ мостехъ“ или договоры Новгородцевъ съ Нѣмцами сами по себѣ заслуживали бы научнаго анализа, такъ какъ представляютъ до сихъ поръ довольно много спорнаго; новгородскія „скры“ въ ихъ разнообразныхъ редакціяхъ также оставлены авторомъ почти безъ всякаго вниманія ¹⁾. Много

¹⁾ При этомъ новѣйшая работа *Frensdorff'a* (*Das Statuarische Recht der deutschen Kaufleute in Novgorod, Göttingen, 1887*), осталась, повидимому, неизвѣстною Никитскому.

характернаго представляет исторія Новгорода и въ той зависимости, какая обнаруживается между его экономическимъ строемъ и его культурой, общественными отношеніями и политикой¹⁾. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ не касался большинства этихъ вопросовъ и, такимъ образомъ, лишилъ себя возможности указать на связь экономической жизни Новгорода съ остальными ея проявленіями, что помѣшало ему опредѣлить и значеніе ея для Великаго Новгорода.

Итакъ, въ сочиненіи своемъ А. И. Никитскій сводитъ исторію народнаго хозяйства Великаго Новгорода на описаніе его промышленной и торговой дѣятельности, слишкомъ поверхностно толкуетъ объ ея организациі и почти вовсе не останавливается на экономическомъ законодательствѣ и хозяйственной политикѣ Новгорода.

А. И. Никитскій задался мыслью ознакомить читателей не только съ экономическимъ бытомъ Великаго Новгорода, но и съ исторіей этого быта. Подобнаго рода задачу трудно выполнить, не опредѣливъ предварительно порознь тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась хозяйственная жизнь Великаго Новгорода. Мы видѣли, однако, что нашъ авторъ довольно произвольно опустилъ изъ виду цѣлый рядъ такихъ элементовъ; естественно, что и развитіе ихъ взаимоотношенія остается далеко не выясненнымъ.

Схему экономической исторіи Новгорода авторъ старается прежде всего установить на основаніи общихъ соображеній. „Послѣдовательность, съ какой идутъ одинъ за другимъ производительные промыслы различныхъ націй вообще, пишетъ онъ, опредѣляется не закономъ экономическаго развитія, а исключительно природой и положеніемъ земли“. Подъ ея давленіемъ сказывается „различіе въ зачаткахъ производства“ у разныхъ народовъ, а такое различіе въ свою очередь обусловливаетъ особенности въ дальнѣйшихъ путяхъ его развитія и такимъ образомъ „отнимаетъ у прогресса производства всякую возможность служить нормой экономическаго развитія народовъ“ (стр. 1). Едва ли можно вполне согласиться съ безусловнымъ характеромъ такого утвержденія. 1) Оно основано на идеѣ о полной изолированности данной социальной группы отъ остальныхъ. Какъ только мы предположимъ возможность со стороны этого „изо-

¹⁾ Здѣсь сильнѣе чѣмъ гдѣ либо въ другихъ древне-русскихъ земляхъ мы можемъ наблюдать, напиримѣръ, какъ этотъ строй повліялъ на образованіе сословныхъ дѣленій. Нѣсколько поверхностныхъ и едва ли правильныхъ замѣчаній по этому поводу мимоходомъ высказано Никитскимъ на стр. 47.

лированного государства“ сноситься съ другими народами, исключительная его зависимость отъ мѣстныхъ условій слабѣетъ. Между тѣмъ Ильменскіе Славяне уже съ древнѣйшаго времени находились въ какихъ то сношеніяхъ съ восточными и западными сосѣдями, причемъ эти группы племенъ не стояли на одинаковомъ уровнѣ развитія; такимъ образомъ условія благоприятныя для транзитной торговли были на лицо. 2) Въ основѣ вышеприведеннаго утвержденія лежитъ также идея о непосредственной связи между страной и ея кореннымъ, туземнымъ населеніемъ; такіе случаи, однако, встрѣчаются довольно рѣдко и, по крайней мѣрѣ въ европейской исторіи, едва ли не представляютъ исключенія. Ильменскіе Славяне, напримѣръ, подобно большинству другихъ народовъ, явились на мѣста, гдѣ застаешь ихъ исторія, изъ другихъ странъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ; устраиваясь здѣсь на новосельѣ, они уже обладали извѣстными зачатками культуры, могли, напримѣръ, заниматься не только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ и обработкою нѣкоторыхъ металловъ (мѣди, а также золота, извѣстнаго славяно-германской группѣ народовъ). 3) Такимъ образомъ, благодаря зачаткамъ культуры, которые могли быть получены переселенцами независимо отъ мѣстныхъ условій страны вселенія, они получали возможность обнаруживать воздѣйствіе на окружающія ихъ условія природы, и чѣмъ далѣе шло развитіе, тѣмъ болѣе могло сказываться такое воздѣйствіе. 4) Замѣтимъ, наконецъ, что положеніе, высказанное Никитскимъ, едва ли согласно съ общей теоріей развитія. Первичныя условія хотя и имѣютъ нѣкоторое значеніе для какого нибудь отдаленнаго послѣдующаго періода данной исторіи, но вліяютъ на него гораздо меньше чѣмъ ближайшій предшествовавшій, въ которомъ, однако, могутъ оказаться элементы, невыводимые изъ первоначально данныхъ. Съ этой точки зрѣнія и отрицаніе за прогрессомъ производства *всякой* возможности служить нормой экономическаго развитія народовъ можетъ оказаться несостоятельнымъ.

Вышеприведенныя замѣчанія не уничтожаютъ, конечно, положенія, высказаннаго г. Никитскимъ; они только показываютъ, думается намъ, что безусловный его характеръ нуждается въ доказательствѣ и провѣркѣ, чего, однако, самъ авторъ, хотя бы примѣнительно къ Новгородской исторіи, не дѣлаетъ. Между тѣмъ Никитскій, исходя изъ этого утвержденія, заявляетъ, что „законъ экономическаго развитія“, то-есть, преемства, въ какомъ одинъ за другимъ слѣдуютъ

пастушескій бытъ, земледѣліе, мануфактуры и торговля, „не внушаетъ ни малѣйшаго довѣрія“ (стр. 1). Если мы обратимъ вниманіе на то, что указанные періоды характеризуютъ въ сущности развитіе одного производства, не приставлены другъ къ другу, а входятъ одинъ въ другой, что порядокъ ихъ представляетъ идеальную норму, которая въ *приложеніяхъ* своихъ, конечно, нарушается цѣлымъ рядомъ историческихъ обстоятельствъ, и что вышеприведенная формула простое эмпирическое обобщеніе, а не „законъ“, то и точка зрѣнія, высказанная на него Никитскимъ, вѣроятно, измѣнится.

Общія положенія, принятыя Никитскимъ, мало повліяли, однако, на послѣдующее его изложеніе, отличающееся строго фактическимъ характеромъ и большою осторожностью въ выводахъ. Быть можетъ, этимъ свойствомъ историка объясняется недостаточно ясная характеристика указанныхъ имъ періодовъ новгородской экономической исторіи, по скольку о нихъ даютъ понятіе сами источники. Такихъ періодовъ г. Никитскій признаетъ всего три: къ первому относятся „зачатки Новгородской экономической жизни“ (IX—XII вѣка), во второмъ (XIII вѣкѣ) авторъ обращаетъ вниманіе на натуральное хозяйство и торговлю съ Западомъ, въ третьемъ (XIV—XV вѣка) на торжество Московскаго порядка; эта послѣдняя глава распадается на два отдѣла, посвященные обзору „зачатковъ денежнаго хозяйства“ и „торговли съ Западомъ“. Подобнаго рода схема недостаточно характерна. Натуральное хозяйство и торговлю съ Западомъ мы, конечно, встрѣчаемъ и въ первомъ періодѣ (стр. 11, 14—36); ее же можно видѣть также въ третьемъ (229—300); наконецъ, „торжество“ Московскаго порядка въ сущности становится замѣтнымъ лишь съ XV вѣка, притомъ, главнымъ образомъ, съ 1456 года (стр. 279). Эти дѣленія слишкомъ мало оправдываются и послѣдующимъ изложеніемъ, въ которомъ г. Никитскій, быть можетъ, не успѣлъ окончательно выяснитъ характерныя особенности намѣченныхъ имъ періодовъ.

Извѣстное дѣленіе всякой экономической исторіи на два періода, характеризуемыхъ преобладаніемъ одного изъ типовъ: домашняго („ойкоснаго“, натурального) или общественнаго (мѣноваго, денежнаго, капиталистическаго) хозяйства, принято во вниманіе Никитскимъ. На первыхъ порахъ, замѣчаетъ онъ, каждое хозяйство заключало въ себѣ чуть ли не всѣ элементы промышленной жизни; говоря точнѣе, каждое хозяйство производило для собственнаго потребленія, а не для

обмѣна. При неудовлетворительности результатовъ, получаемыхъ отъ земледѣлія, природа Новгородской области открывала возможность ея обитателямъ заниматься еще и другими промыслами, напримѣръ звѣроловствомъ и рыболовствомъ; „земледѣліе, звѣроловство и рыболовство поэтому входили въ составъ почти каждого хозяйства“ (стр. 11). Не отрицавши порождаемую подобнаго рода хозяйственнымъ строемъ незначительность спроса и предложенія, сильно вліяющихъ и на образованіе цѣнностей, Никитскій прямо указываетъ на непосредственную мѣну товара на товаръ, какъ на „сущность натурального хозяйства“ (стр. 98, 100, 182). Между тѣмъ, натуральное хозяйство характеризуется, какъ мы видѣли, производствомъ для собственного потребленія, а не мѣною, которая возможна въ подобнаго рода строѣ лишь въ видѣ исключенія; авторъ забываетъ при этомъ указать на ту незначительную роль, какую играли деньги, какъ мѣрило цѣнности, а не орудіе обращенія. Далеко не полно выяснивши основныя особенности натурального хозяйства, Никитскій предполагаетъ денежное хозяйство болѣе или менѣе извѣстнымъ читателямъ и безъ дальнѣйшихъ разъясненій прямо приступаетъ (въ гл. III) къ характеристикѣ денежной системы Новгородцевъ съ начала XV вѣка. Между тѣмъ въ хозяйственной исторіи Новгорода, подобно другимъ, не трудно замѣтить, какъ постепенно растетъ значеніе труда въ производствѣ; самъ авторъ обращаетъ вниманіе на развитіе новгородской промышленности въ XIII вѣкѣ и на „систему кунъ“, то-есть въ сущности денежнаго, хотя и не металлическаго обращенія, наряду съ которымъ, однако, замѣчаются и первые признаки новаго порядка вещей (стр. 60, 61, 64). Такимъ образомъ это переходное время можно характеризовать развитіемъ промышленности и первичными зачатками денежнаго хозяйства. Съ этого времени все большее и большее значеніе получаетъ крупная поземельная собственность, денежные капиталы и внѣшняя торговля, характеризующіе третій періодъ въ исторіи новгородскаго хозяйства.

Дѣленіе это, конечно, не исключаетъ дѣйствіе каждого фактора предшествующаго періода въ послѣдующемъ и не предполагаетъ возможность установить рѣзкія грани между указанными періодами. Замѣтимъ при этомъ, что въ исторіи новгородскаго хозяйства, къ которой примѣнимы всѣ эти ограниченія, второй періодъ въ виду цѣлаго ряда историческихъ обстоятельствъ очень скоро долженъ былъ уступить мѣсто третьему. Тѣмъ не менѣе каждому изъ періодовъ,

указанныхъ выше, присущи особенности, отличающія его отъ остальныхъ.

Въ первомъ изъ нихъ, напримѣръ ¹⁾, по всей вѣроятности важное значеніе имѣла колонизація, во второмъ она изъ общенародной превращается въ специальную, монастырскую (стр. 37) или военно-финансовую, въ третьемъ вырождается въ ушкунничество. Въ первомъ періодѣ мы видимъ преобладаніе натурального хозяйства, малое развитіе спроса и предложенія и смѣшеніе занятій. Во второмъ періодѣ картина мѣняется: наряду съ натуральнымъ хозяйствомъ видны зачатки денежнаго (ср. стр. 60, 61 и 64); подъ вліяніемъ усиливающегося спроса начинаетъ развиваться промышленная дѣятельность и ея организація (ср. стр. 85). Всѣ эти особенности еще сильнѣе выражены въ третьемъ періодѣ: денежное хозяйство въ это время окончательно водворяется, спросъ еще значительнѣе и вліяетъ на развитіе промышленности, которое сказывается въ раздѣленіи занятій (стр. 217) и въ появленіи обработанныхъ продуктовъ на рынкѣ. При натуральномъ характерѣ хозяйства въ древнѣйшій періодъ новгородской жизни обращеніе сводилось къ незначительной мѣнѣ товара на товаръ; отличаясь повидимому, перемежающимся, случайнымъ характеромъ оно состояло, главнымъ образомъ во внѣшней торговлѣ Новгорода съ югомъ и югозападомъ Россіи, востокомъ и ближайшими торговыми центрами западной Европы (Готландомъ). Положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось во второмъ періодѣ: хотя заграничный торгъ все еще держится на мѣнѣ, тѣмъ не менѣе утверждается система кунъ, какъ денежныхъ знаковъ, (ср. стр. 151), зарождается внутренняя торговля въ предѣлахъ Новгородской области, обращеніе не только усиливается, но и становится болѣе регулярнымъ, торговые обороты съ Днѣпра начинаютъ переходить на Волгу, тогда какъ торговля съ Нѣмцами, болѣе постоянная благодаря появленію ихъ въ Новгородѣ и договорамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно захватываетъ Ганзейскіе города, порождая между купцами довольно сильную конкуренцію. Всѣ эти обстоятельства вліяютъ на историческія судьбы Новгорода, какъ главнаго пункта торговыхъ операцій и способствуютъ централизации Новгородской области. Въ третьемъ періодѣ взамѣнъ кунъ начинаютъ появляться металлическія деньги, изгоняющія мѣну не

¹⁾ Ссылки на страницы въ текстѣ именно указываютъ на примѣры встречающіеся въ книгѣ Никитскаго, но не утилизированные имъ съ этой точки зрѣнія.

только изъ внутреннихъ, но вѣроятно, отчасти и изъ вѣшнихъ оборотовъ. Нѣсколько большее постоянство и регулярность сношеній и сравнительное обиліе капиталовъ способствуютъ развитію кредита ¹⁾, а противъ конкуренціи приходится бороться вредною системою монополій (стр. 253). Торговля Новгорода съ Поволожьемъ усиливается, но въ ней начинаютъ играть роль и новые конкуренты, московскіе купцы, состоящіе подъ покровительствомъ сильнаго сосѣда, Московскаго государя; что-же касается до западной торговли, то она все болѣе и болѣе отливаетъ изъ Новгорода въ лифляндскіе торговые центры. Различія въ производствѣ и обращеніи за указанные выше періоды развитія въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условий вызывали перемѣны и въ распредѣленіи. Въ первомъ періодѣ незначительность матеріальныхъ средствъ населенія (стр. 9) приводитъ къ довольно равномерному распредѣленію богатствъ, нарушенному во второмъ появленіемъ земельныхъ и денежныхъ капиталовъ; усиливавшаяся неравномерность въ распредѣленіи (стр. 193) естественно ведетъ къ антагонизму общественныхъ классовъ, борьба которыхъ обостряется въ третьемъ періодѣ и грозитъ перейти во внутреннія междоусобія. При такихъ условіяхъ и значеніе Новгорода, какъ торговаго пункта, начинаетъ падать, тѣмъ болѣе что постоянно повторяющіяся хозяйственные потери и зачатки роскоши придаютъ потребленію непродовольственный характеръ. Внутренніе беспорядки, при этомъ, все растутъ, а вѣшнія политическія условія становятся все менѣе благоприятными. Сравнительно независимый въ первые два періода своего существованія Новгородъ въ этотъ послѣдній принужденъ считаться не только съ Орденомъ, но и съ Литвою, съ Тверскими и, главнымъ образомъ, съ Московскими князьями. Послѣдніе оказались въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ остальные, для того что-бы въ 1477—1478 гг. окончательно смирить Новгородъ и подчинить его своей самодержавной „волѣ“.

Таковы важнѣйшія особенности, характеризующія періоды, которые указаны, но не установлены Никитскимъ.

Перейдемъ къ критическому обзорѣ важнѣйшихъ отраслей новгородскаго хозяйства, обратившихъ на себя вниманіе Никитскаго, причемъ каждую отрасль рассмотримъ вкратцѣ по возможности послѣдовательно за всѣ три періода ея развитія.

¹⁾ Das Rigische Schuldbuch (1286 — 1352) herausg. v. Dr. H. Hildebrand. SPt. 1872.